

речи, выражали наряду с формообразовательным значением отвлеченно-собирательной множественности также лексикализованные — конкретно-предметные и локальные значения (когда множество, мыслимое в совокупности и единстве, осознается как предмет), например: *берестье* 'вязы, ильмы' и 'вязовая роща', *дубье* 'деревья', 'дубы' и 'дубовая роща, дубрава', 'дубняк как межевой знак', *каменье* 'камни' и 'каменистая почва', *колье* 'колья' и 'часть кол', 'изгородь', 'сваи', *тростие* 'тростник' и 'заросли камыша' и т. п. В опредмеченно-качественных значениях собирательной множественности 'лес', 'роща', 'луг', 'цветник' и т. п. данный тип хорошо известен и в других славянских языках. По данным древнесербских грамот XII—XV вв. локально-собирательные значения выражали *нивије*, *гръмије*, *ливадије*, *водѣнчије*, *коупеничије*, *трѣстије*, *орѣшије*, *лозије* и др. Ср. совр. словен. *brezje* 'березняк', 'березовая роща', *gozdbvje* 'большой лес' (от *gòzd* 'лес'), *bréstovje* 'берестовый лес', *dbovje* 'дубовый лес', *bičkovje* 'буковый лес' и т. п.

Собирательная функция у суффикса *-ије* несомненно развилась на основе первоначального синкретичного значения, соединявшего идею пространства, предметного множества и качества.

Развитие этого типа шло по пути дальнейшей дифференциации и абстрагирования значения собирательности от иных, сопутствующих и конкретных значений. В этом направлении развития типа *-ије* нашло свое выражение абстрагирование идеи множественности как результат развития и абстрагирования вербального мышления.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Зогр. ев. Зографское евангелие: *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus*. Edidit V. Jagić. Berolini, 1879.
- Мар. ев. Памятник глаголической письменности Мариинское четвероевангелие. Труд И. В. Ягича. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1883.
- Сав. кн. Саввина книга. Труд В. Щепкина. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1903.
- Син. пс. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Приготовил к печати С. Северьянов. Изд. ОРЯС АН. Пг., 1922.
- Супр. р. Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова, т. I. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1904.

В. А. Меркулова

РУССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. VI

кручина

Слово *кручина* много раз служило предметом этимологического анализа. В своем этимологическом словаре Ф. Миклошич приводит старославянские слова *крѣчина cholera*, *bilis*, *ira*, *epilepsia* и *наглокрѣчинатство* 'вспыльчивость', украинское *кручинитися*, русские

кручина и *кручнуться*¹. Этимологического решения автор не предлагает, но реконструирует праформу *krqčina. Но в своем лексиконе старославянского языка он уже приводит для сравнения древнеиндийский корень *krunc-* 'сгибать'². Предложенное Горяевым сравнение с *крутой* было отвергнуто уже Преображенским, так как такому сопоставлению противоречит фонетическая форма старославянского слова. Своей этимологии Преображенский не предлагает, но говорит о семантических трудностях³. Бернекер сохраняет сравнение с древнеиндийским глаголом *krūñcati*⁴. Фасмер приводит в качестве родственных слов словенский глагол *ukročiti* 'изгибаться, извиваться', *ukročiti* 'согнуть', чешское *kručinka* 'дрок' и польское *kręsz* 'головокружение, судороги, столбняк'. В качестве исходной формы Фасмер дает **krqk-*⁵. Махек доказал, что чешское слово *kručinka* 'дрок' заимствовано из польского *kręczynka* то же, но происхождение слова считает неясным⁶. Ф. Славский связывает польское название дрока *kręczynka* с русским церковнославянским *кручи́ча*, сербским церковнославянским *кручина*. Обоснование такого наименования он видит в лекарственных свойствах дрока и в его использовании для добывания желтой краски. Этимологически слово возводится к корню *krqk-* 'гнуть'⁷. Скок показывает, что слово *kručina* фиксируется только в церковнославянских текстах, в современном языке не существует, но то, что оно было в южнославянских языках, доказывается румынскими заимствованиями из славянского (*crîncen, crîncenie*)⁸. Ж. Ж. Варбот относит к этому же гнезду слов и кашубско-словинское слово *krąčni* 'больной'⁹.

Короче говоря, праславянское слово *krqčina возводится к корню *kręk-/krqk-* 'гнуть, сгибать'.

И действительно, новые данные по диалектологии и исторической лексикологии славянских языков позволяют нам реконструировать обширное лексико-этимологическое гнездо слов, в основе которого лежит корень *kręk-/krqk-* 'гнуть'.

Цель данной заметки не опровержение существующей этимологии и выдвижение новой, а лишь обоснование некоторых вопросов и сомнений.

Слово *кручина* в значении 'грусть, тоска, печаль' существует только в русском языке, главным образом, в языке народной поэзии. Ср. у Кольцова: «*Кручину, что тучу, не уносит ветром*», в народной песне «*Извела меня кручина, подколотная змея...*» В сказках слово *кручина* служит синонимом слова *печаль*, *кру-*

¹ Miklosich, S. 142.

² Miklosich LP, S. 320.

³ Преображенский I, с. 397.

⁴ Berneker I, S. 626.

⁵ Фасмер II, с. 387.

⁶ Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1957, с. 118.

⁷ Sławski III, с. 102—203.

⁸ Skok II, с. 213.

⁹ Варбот Ж. Ж. Лехитские этимологии. — Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981, с. 321.

чинный — слову *печальный*, а *кручиниться* — *печалиться*. В северных плачах, собранных Барсовым, слово *кручина* выступает как синоним слов *печаль* и *горе*: У мяя три поля *кручинушки* насыяно, Три озерышка горючих слез наронено; Пороздно тут великую *кручинушку*... параллельно: Не с кем горя пороздяти...¹⁰

Помимо слова *кручина* мы находим в русских говорах еще слова *кручень* 'грусть, тоска, печаль' (твер.); 'тот, кто горюет, кручинится, горемыка' (псков., твер.); *кручливый* 'скудный, тоскливый, горемычный' (псков., твер.)¹¹. Особенно интересен глагол *кручить* 'печалиться, тосковать'. Он представлен в смоленских¹², кольских¹³ и забайкальских говорах: Отец помер, и давай он *кручить*, целыми днями молча сидит, адали в рот воды набрал; *Кручила* перво время девка, пока к чужому дому привыкла¹⁴.

Отмечено слово *кручина* и в ономастике: *Кручина*, крестьянин, 1578 г. Арзамас; *Кручина* Самсонов, 1615 г., Каргополь¹⁵.

С точки зрения семантического развития слова интересен глагол *кручиниться*, который в текстах вологодских и архангельских песен, записанных Киреевским, выступает в значении 'заботиться' и 'сердиться, гневаться'¹⁶, что позволяет и для слова *кручина* реконструировать значение *'забота', 'гнев'. Интересно, что Берында трактует глагол *кручинтатися* как 'гневаться', 'надуваться'.

Материалы русских говоров дают и результаты народной этимологии, попытки связать слово *кручица* с глаголом *крушить* (*кручина* *крушит*) и с глаголом *крутить* (*крутёнушка* 'кручина').

В старорусских и древнерусских памятниках слово *кручина* может быть определено как 'неприятность, забота, беспокойство': *Кручина* мнѣ велика о тебя, что мне не заплатишь (Разговорник Т. Ф., 429, 1607 г.); До насъ *кручинъ* не доносити (Дел. Датск.)¹⁷ и 'горе', 'гнев, раздражение, опала': ... а бояре и дѣти боярские... сидѣли въ смирномъ платьѣ... потому что на государя толды *кручина* была, не стало в животѣ брата его князя Юрия Васильевича (Пам. дипл. МГ III, 183—1563 г.); В лета 1791-го благоверный царь, государь и великий князь Иван Васильевич всеа России распалився в *кручине*, и непопаде сына своего... (Пов. Ив. Гр. и куп., 2 пол. XVII в., л. 268); ... чтобы мнѣ отъ тебя не быть въ великой *кручинѣ* и опалѣ (А. МГ. III, 76—1660 г.); «... тебе самому от меня быть в *кручине*...» (Хоз. Мор. II, 216—1660 г.)¹⁸.

При анализе церковнославянских и старославянских текстов следует учитывать, что мы имеем дело не с народным, а с письменным литературным языком, которым пользовались для пере-

¹⁰ Барсов I, с. 12.

¹¹ Филин 15, с. 337.

¹² Добровольский, с. 363.

¹³ Меркурьев, с. 75.

¹⁴ Элиасов, с. 172.

¹⁵ Веселовский С. В. Ономастикон. М., 1974, с. 166.

¹⁶ Филин 15, с. 336.

¹⁷ Среганевский I, стб. 1337.

¹⁸ Картотека ДРС.

вода. Так, слово *кручина* в этих текстах обычно встречается в словосочетаниях *черная кручина* и *желтая кручина*. Мы имеем дело с научной терминологией. Это изложение гуморальной теории Гиппократов, по которой в основе всех болезней лежит ненормальное смещение жидкостных сред организма: крови, слизи, черной и желтой желчи. Эта теория просуществовала в науке две тысячи лет и была заменена в XIX в. вирусной теорией Вирхова. Тот же принцип был положен Гиппократом и в основу деления человеческих темпераментов (холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик): Обоснование этого деления с точки зрения физиологии высшей нервной деятельности дал академик И. П. Павлов.

Таким образом, словосочетания *черная кручина* и *желтая кручина* — это кальки научных терминов; ср. греч. *μελαγχολία* 'душевная депрессия, меланхолия', по теории Гиппократов, результат разлития черной желчи. Эти словосочетания, *черная кручина* и *желтая кручина*, мы встретим во всех лечебниках XVI, XVII и XVIII вв. В ряде случаев это переводы с немецкого или латинского, где, в свою очередь, мы имеем кальки с греческого (ср. лат. *atra bilis, nigra bilis* и т. д.).

Естественно возникает вопрос, почему при переводе греческое *χολή* было передано словом *кручина*, а не *желчь*. Ведь слово *злчъ*, *злчъ* существовало в старославянском языке, и оно употребляется устойчиво в евангельском тексте, когда речь идет о желчи, смешанной с укусом. Мне представляется, что выбор слова определялся однозначностью слова *злчъ* и многозначностью слова *χολή*. Слово *злчъ* означало только 'желчь', в то время, как греч. *χολή*, помимо основного значения 'желчь' значило еще 'раздражение, злоба', 'яд', глагол *χολάω* значил 'быть безумным, сумасбродствовать', 'быть в бешенстве, в ярости, гневаться'. Поэтому нужно было найти такой эквивалент, который, кроме значения 'желчь', имел бы еще значение 'раздражение, гнев' для передачи таких сложных терминов, как *μελαγχολία, ὄξυχολία* и др. Таким эквивалентом оказалось слово *кручина*. Точное значение его в народном языке мы определить не можем. Мы можем лишь предположить, что в каких-то случаях оно обозначало 'желчь': ср. *Кручины* изблевати (Пчела, XV в.)¹⁹, но кроме того, еще значило 'раздражение, гнев', ср. ст.-слав. *нагаскручинастко* 'вспыльчивость', переводящее греч. *ὄξυχολία*.

Исходным и первичным является значение 'желчь'. Желчь, секреторная жидкость, вырабатываемая железистыми клетками печени, обладает двумя характерными признаками — цветом (от желтого до черного) и исключительной горечью. Если мы рассмотрим названия желчи в индоевропейских языках, то они все восходят к названию цвета (желтый, зеленый), см. греч. *χολή*, лат. *fel*, нем. *Galle*, праслав. **zblčь* и др., восходящие к и.-е. **ghel*-²⁰.

¹⁹ Срезневский I, стб. 1337.

²⁰ Pokorný, S. 430.

С другой стороны, горечь не менее характерный признак, ср. нем. *gallenbitter* 'горький как желчь', др.-рус. «Горьчае зльчи» (Изб. 1073 г.).

Теперь обратимся к польскому названию дрока *kręczyńka*. Растение *Genista*, дрок, издревле служило сырьем для получения желтой краски. Кроме того, оно использовалось, по свидетельству Анненкова, от укуса бешеной собаки и при бешенстве скота. Вспомним, что русское название растения *genista* — *дрок* совпадает со словом *дрок* 'бешенство скота от укусов насекомых в июльскую жару'. Итак, у растения выделяются тоже два характерных признака: 'желтый' и 'помогающий от бешенства', следовательно один из них должен лежать в основе наименования.

Итак, в русском языке семантическое наполнение слова *кручина* 'печаль, грусть, тоска, горе', 'гнев, раздражение', 'неприятность', в польском *kręczyńka* 'желтый', 'бешенство', в церковнославянских текстах *кручина* 'желчь' ('желтый', 'горький'), 'раздражение, гнев'.

В основе наименований печали и горя лежат две семантических модели: 'гореть' → 'горе' (ср. *печь* — *печаль*, *жечь* — *жгода*, *гореть* — *горе*) и 'давить, угнетать' → 'горе' (ср. *tęti* → *tęga*); в основе наименований гнева лежит модель 'гореть' → 'гнев' (ср. *gniti* → *gněvъ*, лит. *keĩštas* 'ярость') и 'быть сильным, возбужденным' → 'возбуждение, гнев' (ср. **jarъjъ* → *jarostъ*).

В основе наименований горького вкуса лежат модели 'гореть' → 'горький' (ср. **gorěti* → **gorьkъjъ*, словен. *grėnek* к **grěti*) и 'резать' → 'резкий, горький' (ср. лит. *kartùs*)²¹.

Проанализировав семантику слова *кручина*, мы никак не можем согласиться с тем, что оно восходит к корню со значением 'гнуть'. Единственный признак, который объединяет все значения, это производность от глагола со значением 'гореть'.

Естественное возражение заключается в том, что производными от индоевропейского корня **ker(ə)* 'гореть, сверкать' в славянских языках являются лишь глаголы **kuriti*, **čuriti* и имя **krasa*. Мне представляется, что доказательства существования в праславянском корня **kręk- / krqk-* 'гореть' еще могут быть найдены.

дупри

В работе Е. В. Барсова «Причитания северного края» мы находим любопытное череповецкое слово *дупри* 'сопли': Выпустит *дупри-те* ровнышко червяки²². М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка» приводит слово *дупри*, считая его неясным²³. В других говорах русского языка это слово не отмечено.

²¹ Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. VII. — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, с. 45.

²² Барсов И, с. 320.

²³ Фасмер I, с. 555.

Можно предположить, что перед нами образование от глагола *дуть*. В этом случае могут быть высказаны две гипотезы:

1. Слово позднее, образовано на местной почве от основы причастия *дутьий* с суффиксом *-р-* по аналогии со словом *возгри*.

2. Слово старое, праславянское, образовано с архаичным суффиксом *-tr-* от основы глагола, ср. праслав. **pe-tro* от **pe-ti* (ср. еще *vě-trъ*, *ę-tro*)²⁴.

Семантически этимология может быть обоснована следующим образом. Слово *дуть* должно было значить 'то, что выдувается, надувается' → 'пузырь' → 'сопли'.

прижолнуться

В 1980 г. в д. Семенкино Мошенского района Новгородской области мною записан следующий текст: *Прижблнулась к избе* 'прижалась к избе' (речь идет о поведении во время неожиданно налетевшей грозы). Глагол *прижблнуться* 'прижаться' до сих пор не был отмечен в научной литературе.

Глаголы на *-nq-*, означающие неожиданный переход к какому-либо состоянию (ср. **ьpnqti*, **ьdnqti*, **blьsknqti* и т. д.), обычно имеют в корне краткий гласный, следовательно, мы можем реконструировать рассматриваемый глагол как **prižьlnqti se* и условно предположить существование в русском языке глагола ***žьlnqti* 'жать'.

Индоевропейский корень **gel-* 'жать, сжимать', 'нечто круглое, ком' очень богато представлен в славянских языках. Он выступает с разными огласовками корня и со многими расширителями. К этому гнезду слов относятся такие именные формы, как **žely* (или **žьly*), *-ъve* 'вздутие, шишка, железа', **želza* 'железа', **žьlna* 'железа', **gliba* 'ком', **gluda*, **gluta*, **glyza* то же и мн. др.²⁵ Глагола в продолжениях этого индоевропейского корня в славянских языках мы не находим.

Диалектный глагол ***žьlnqti* 'жать' позволяет нам более полно реконструировать состав этого словообразовательно-этимологического гнезда на праславянском уровне.

Хочется сказать несколько слов об указанном выше слове **žely-*, *-ъve*. В Лаврентьевской летописи под 1076 г. находим следующий текст: Престависа Сѣославъ снѣ Ирѣславъ... Ѡ рѣзаны желеве²⁶. Этот текст интересен в нескольких отношениях. В наших летописях обычно лишь констатируется факт смерти того или иного исторического лица, но причины не указываются. В редких случаях упоминают о том, что перед смертью человек болел, но о характере болезни не говорится ничего. Исключения составляют примеры, когда в кончине данного лица было нечто необычное

²⁴ Słownik prasłowiański II, с. 22.

²⁵ Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. IX. — В кн.: Этимология 1978. М., 1980, с. 44—51.

²⁶ Срезневский I, стб. 887, СлРЯ XI—XVII вв., 5, с. 81.

(ср. описание болезни и смерти князя Дмитрия Красного, 1441 г.: Бысть же нѣчто дивно в болѣзни его...). Таким образом, приведенный выше текст относится к исключениям. В современном русском литературном языке слово *желвак* обозначает 'вздутие в виде шишки на теле человека, животного и на стволе дерева'. Но по говорам и в литературном языке XIX в. слово *жолви* значило еще 'распухшие и затвердевшие железы при туберкулезе кожи и лимфатических узлов' или, по устаревшей терминологии, при золотухе или скрофулёзе²⁷. По традиции средневековой медицины такие железы вскрывали, резали. По-видимому, в большинстве случаев операция проходила благополучно, данный случай был исключением, иначе он не был бы упомянут в летописи. То, что в данном тексте слово *желве* означает 'золотушные железы', подтверждается употреблением в том же значении родственного слова *желча*. В современном языке это значение слова утрачено в связи с исчезновением самого явления.

матинки

В «Словаре русских донских говоров» есть очень интересное слово *матинки* 'веснушки': *Матинки* бывают и на лице и на руках²⁸. В других говорах русского языка это слово не отмечено. Но ср. сербохорватское диалектное *маћа* 'пятно' (< *matja), что говорит о существовании в славянских языках основы *mat-* для обозначения пятна.

С известной долей осторожности к этому же гнезду слов можно отнести и *мáтежи* 'пятна на лице беременной женщины', 'синяки', если не считать это слово результатом деэтимологизации праславянского *madežь: Бывáжет в *мат'ежáх* л'ицѡ/а у б'ер'еменных лáпа во лбу / и не у б'ер'еменных бывáжет в *матежах* л'ица / п'áтна ёто с'и́није²⁹.

Итак, в качестве осторожной гипотезы можно выдвинуть мысль о существовании в праславянском языке этимологического гнезда слов: *mata, *matja, *matežь 'пятно'.

Возможны два этимологических решения.

1. Праславянское *mata 'пятно' является омонимом к праславянскому *mata 'приманка' и восходит к индоевропейскому корню **ma-* 'подавать знак'.

2. Праславянское *mata < *mōt-* и восходит к индоевропейскому корню **mē-* 'мерить, отмечать'.

Обе гипотезы равно вероятны. Ср. использование слов со значением 'знак' в качестве наименований индивидуальных примет человека, родимых пятен, шрамов и т. д. *Зна́мя* 'знак собственности, камень для обозначения границ участка' (арханг.)³⁰; *знамя*

²⁷ *Даль* ³ I, стб. 1358; *Куликовский*, с. 24, *Гринченко* I, с. 488.

²⁸ *Донской словарь*, 2, с. 131.

²⁹ *Картотека Словаря русских говоров Карелии*.

³⁰ Запись сделана мною в 1957 г. в д. Заюта Виноградовского р-на Архангельской области,

‘шрам, след’: А на лица подь лѣвымъ глазомъ *значечко* невелико, бывало запибено каменемъ (Новг. каб. кн. IV, 24—1600 г.)³¹; И ой же Добрынина матушка! Какое у Добрыни было *значечко*? — *Значечко* было на головушке. Уцупала она *значечко* (олон.)³²; чеш. *mateřské znaménko* ‘родимое пятно’; словен. *vrojeno znamenje* ‘родимое пятно’; *znátbba* ‘признак, примета, знак’, ‘родимое пятно’ (волог.)³³.

С другой стороны, *мѣтка* ‘знак, отметка’, ‘пятно’, ‘шрам, след от удара’, ‘веснушка’. Люди с вяснўшкам — карічневым *мѣткам* таким: у-у, скажут, рѣба, как курапѣтка³⁴.

помередиться

В восьмом выпуске «Этимологического словаря славянских языков» есть две статьи **xamordь* и **xumordь*. Последняя построена на украинско-словацком материале: «Укр. *xїмородь* ж. р., также *xїморода* ж. р. ‘причуда, каприз’, ‘колдовство’ (Гринч. IV, 397—8); *xїмороды* мн. ‘капризы, причуды’ (Лысенко. Житом. 56, Лысенко, 224).

Ср. словц. *chymradný* ‘слабый, болезненный’ (Káral, 208).

Вар. к **xamordь* (см.), т. е. сложение экспрессивной приставки **xa-*, **xu-* и **mordь*, возм. именного производного от гл. **mьrdati...*³⁵.

Новые диалектные материалы позволяют нам несколько расширить и уточнить данную статью. В книге И. С. Меркурьева «Живая речь кольских поморов» мы находим глагол *помередиться* ‘померещиться, почудиться’: Как *помередилось* в лѣсе, так одна и не хожу боле³⁶. До сих пор глагол *мередиться* ‘чудиться’ не был отмечен в лингвистической литературе.

Говоры Кольского полуострова в основе своей новгородские. В этом случае, может быть, надо несколько иначе воспринимать новгородско-тверское слово *мѣрет* ‘злой дух’. Может быть, это фонетическая запись слова *мѣред*? Если это так, то все этимологическое гнездо будет выглядеть следующим образом: **mer-diti se* ‘чудиться’, **merdь* ‘злой дух’, **xamordь* ‘темнота’, **xumordь* ‘причуды’, ‘колдовство’, **kamordькъ* — гидроним; все к и.-е. **mer-* ‘сверкать, мерцать’³⁷ с расширителем *-d-*. К этому корню восходят праслав. **mьrknъti*, **morkъ*, **mara*, **marevo*, **mьrějati*, **merkъ* и т. д., семантика которых исключительно близка рассмотренным выше словам.

³¹ СЛРЯ XI—XVII вв. 6, с. 46.

³² Филин 11, с. 308.

³³ Там же, с. 313.

³⁴ Картотека Псковского областного словаря.

³⁵ ЭССЯ 8, с. 157.

³⁶ Меркурьев, с. 119.

³⁷ Pokorny, S. 733.